

И.П. ИЛЬИН

**ХАОЛОГИЯ: НЕКОТОРЫЕ УРОКИ ИСКУССТВА
ДЛЯ ФИЛОСОФСКОГО
И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ**

Теория искусства постмодерна во всех его проявлениях – от архитектуры, живописи и музыки и вплоть до литературы – всегда опиралась на теорию Хаоса как на основополагающий принцип внутренней и внешней организации художественного мира произведения. Художественная практика здесь явно обгоняла теоретическую рефлексию: произведения М. Пруста, Дж. Джойса, Х.Л. Борхеса и многих других не менее известных художников начала и первой половины XX в. дали немало примеров подобного рода подхода к литературному творчеству.

По сравнению с практикой теория явно запаздывала; лишь в середине 60-х годов появились первые попытки осмыслить примеры «нового письма». В Италии даже возникла экстремистская по своему духу экспериментальная «Группа 63», близкая по своим теоретическим установкам складывающейся эстетике постмодернизма. Один из ее теоретиков Анджело Гульельми утверждал: «На последней, неокapиталистической, стадии существования буржуазного общества уже не может возникнуть совершенно никаких идеалов, им просто нет места в жизни. Идеалы теперь пустой звук, едва различимое эхо, ничего не значащий набор слов. В действительности же им просто неоткуда взяться, не из чего возникнуть. Что же делать в этих условиях писателю? ...Взяться за описание. Одну минуточку: ему вовсе даже не нужно описывать царящий повсюду хаос, беспорядок, отсутствие идеалов. Ему не нужно описывать “бесчеловечный, а значит, хаотический, трагический, уродливый мир развитого капиталистического общества”, как пишет Марио Спинелла [итальянский писатель и критик. – И.И.] ...Говорят: жизнь – это хаос, идеалов больше нет. Это значит: жизнь уже не соответствует неко-

торым своим целям, тем целям, которым она раньше соответствовала. Это несоответствие выражается как в плане идеологии, так и в плане психологии, оно непосредственно ощущается. Другими словами, жизнь уже не та, она не соответствует своему назначению... Утратили смысл, скорее, даже не сами эти идеалы, бывшие до сих пор отражением реальной действительности. Исчезла прежде всего (и теперь уже навеки) сама возможность отражения реальной действительности в идеалах, т.е. в таких идеальных ценностях, которые шли извне, были вполне по силам человеку и в то же время бесспорными, необходимыми, обязательными для всех»¹.

Этот манифест, написанный в бессинтаксической манере Маринетти, можно назвать первой ласточкой в теоретическом оформлении постмодернистской концептуальности несмотря на его очевидную невятность и непроясненность основных теоретических представлений. Следующим шагом, способствовавшим самосознанию постмодернизма как специфического эстетического феномена, стала попытка американского критика Р. Пойриера осмыслить специфику иронии модного тогда в США романа «черного юмора», к представителям которого относили в 60-х годах внушительную группу американских прозаиков: Томаса Пинчона, Джона Барта, Джеймса Донливи, Джона Хокса, Дж. Хеллера и Курта Воннегута, не говоря о многих других.

Американские теоретики поспешили назвать этот феномен «постмодернизмом» и в качестве его основной характеристики назвали самопародию. Об этом писал Р. Пойриер: «Литература самопародии, будучи не уверена в авторитете ценностных ориентиров, высмеивает даже само усилие установить их истинность посредством акта письма»². Его позиция близка И. Хассану, определившему самопародию как характерное средство, с помощью которого писатель-постмодернист пытается сражаться с «лживым по своей природе языком» и, будучи «радикальным скептиком», находит феноменальный мир бессмысленным, лишенным всякого основания. По мнению И. Хассана, серьезный писатель обречен лишь на стилистику интер-

¹ Гульельми А. Группа 63: Экспериментальный роман // Называть вещи своими именами. – М., 1986. – С. 186–187.

² Poirier R. The politics of self-parody // Partisan rev. – N.Y., 1968. – Vol. 35, N 3. – P. 333.

текстуальности, чтобы хаосом цитат выразить свое ощущение «космического хаоса», где царит «процесс распада мира вещей»¹.

Можно привести немало подобных высказываний философов, социологов, культурологов – всех тех, кто занимался анализом современного сознания (особенно в этом усердствовали теоретики литературы). Так было до 80-х годов, когда представление о современном мире как о царстве Хаоса стало практически общим местом гуманитарного знания.

Однако в 80-х годах началась методологическая агрессия литературоведения в другие сферы знания. «В 60-е и 70-е годы, – отмечал Дж. Каллер, – литературоведение, казалось, было занято импортированием теоретических моделей, вопросов и перспектив из таких областей, как лингвистика, антропология, философия, история идей и психоанализ. Но в 80-е годы ситуация изменилась: литературоведение стало экспортером теоретического дискурса, в то время как другие дисциплины – право, антропология, история искусства, даже психоанализ – приняли к сведению достижения той сферы деятельности, которую литературные критики называют теорией, и обратились к ней для стимулирования своих собственных изысканий»².

Одна из таких идей – принципиально хаотической организации не только духовного мира людей, но и самой физической природы – оказалась крайне заразной для многих ученых естественников и под именем «хаологии» прочно вошла в обиход негуманитарного знания. Этот термин, обязанный своим происхождением постструктурализму и постмодернизму, получил распространение в начале 80-х годов, обозначив новый этап в развитии теоретической мысли этого направления.

Изменение общего эмоционального климата в восприятии феномена постмодернизма, своеобразное привыкание к новому мировоззренческому состоянию можно было бы обозначить как «присвоение» его в качестве естественной доминанты современного мироощущения. Восприятие феномена бытия как «повседневная» привело к существен-

¹ Hassan I. The dismembering of Orpheus: Toward a postmodernist literature. – Urbana, 1971. – P. 59.

² Culler J. Framing the sign: Criticism and its institutions. – L. etc., 1983. – P. XII.

ному понижению тонуса трагичности, которым иногда страдали первые версии «постмодернистской чувствительности».

В этом отношении весьма характерны работы французского ученого Жюль Липовецкого, с их версией «мягкого», или, вернее, «кроткого» постмодерна. В своем исследовании «Сумерки долга: Безболезненная этика демократических времен» (1992)¹ он продолжил линию, намеченную в книгах «Эра пустоты: Эссе о современном индивидуализме» (1983)² и «Империя эфемерности: Мода и ее судьба в современных обществах» (1987)³. Ученый отстаивал тезис о безболезненном переживании современным человеком своего «постмодерного удела», о приспособлении к нему в конце XX в. (теперь с полным на то основанием мы можем подтвердить его правоту и относительно начала XXI в.), о возникновении постмодерного индивидуализма, больше озабоченного качеством жизни, стремлением не столько преуспеть в финансовом и социальном плане, сколько отстоять ценности частной жизни, индивидуальные права на «автономность», на личное счастье. В целом эти настроения, хотя и относились к сфере ярко выраженного «желательного мышления», тем не менее отражали одну из влиятельных тенденций политического климата – тенденцию к социально-идеологическому примирению с реалиями постбуржуазного общества.

Другой не менее важный фактор в эволюции постмодернистского «климата» был результатом очередного теоретического обобщения, если не новых данных – о них было известно достаточно давно, – то тех невольных выводов, к которым на основе их осмысления пришли (или вынуждены были прийти) теоретики и практики естествознания. Произошло это на рубеже 70–80-х годов. Ученые убедились, что многие природные явления принципиально не поддаются точному статистическому учету и, следовательно, сколь либо надежному прогнозированию возможных параметров своих изменений.

Самым характерным примером подобной долговременной непредсказуемости как всегда послужил злополучный прогноз погоды. Оказалось, что наличие даже самой современной техники и

¹ Lipovetsky G. Le crépuscule du devoir: L'éthique indolore des nouveaux temps démocratiques. – P., 1992. – 236 p.

² Lipovetsky G. L'ère du vide. – P., 1983. – 256 p.

³ Lipovetsky G. L'empire de l'éphémère. – P., 1987. – 197 p.

самой плотной сети метеостанций не дает необходимых оснований для надежного предсказания погодных изменений – в самом лучшем случае лишь на неделю. Иными словами, погода хаотична в принципе и не поддается долговременному прогнозированию.

Близким к данному явлению по своим параметрам (и в определенной степени его предопределяющим) оказался феномен турбулентности – хаотической неупорядоченности движения частиц, свойственной воздушным и водным течениям. И, наконец, сюда же относится броуновское движение частиц. Параметры непредсказуемости еще более расширились благодаря работам крупнейших теоретиков в области фундаментальных физических законов, подключая к анализу и солнечную систему (см. вышедшую в 1987 г. книгу Дж. Уиздома «Хаотическое поведение в солнечной системе»¹).

Французский теоретик Давид Рюэлль, профессор теоретической физики, посвятил немало трудов исследованию проблемы Хаоса в сфере научно-естественных знаний. В своей книге «Случай и хаос» (1991)² ученый утверждал, что «хаос вошел в моду и стал предметом конференций»; затем он был поднят до статуса «нелинейной науки», что привело к созданию нескольких исследовательских институтов для изучения этого феномена под новым названием. Появились научные журналы, целиком посвященные «нелинейной науке». В результате «успех хаоса приобрел характер события на уровне средств массовой информации, и можно было подумать, что ученые, работающие в этой области, поют и танцуют на улицах, празднуя свой триумф»³.

Главным теоретиком хаологии в сфере гуманитарных наук и социальной антропологии (бурное вторжение этой дисциплины в современное теоретическое сознание – характерный признак переориентации научных интересов в сферу «повседневного») стал Жорж Баланье. В своей книге «Беспорядок: Похвальное слово движению» он обобщал: «Беспорядок, турбулентность, дезорганизация и непредвиденность обладают неожиданной силой очарования; тайны случайности побуждают не столько к приобщению к мистериальности, сколько к интенсивному исследованию, применяющему

¹ Wisdom J. Chaotic behavior in the Solar system. – L., 1987. – 148 p.

² Ruelle D. Hasard et caos. – P., 1991. – 248 p.

³ Ibid. – P. 93.

самые сложные и самые мощные средства информации. Уже десять лет как родилась новая дисциплина – хаология, и уже некоторые определяют ее как одно из тех кардинальных открытий, которые совершили революцию в истории цивилизации. С самого начала она, кажется, не занимается ничем иным, кроме странностей, или причудами фантазии ради странностей познания». Для хаологии простая избитая банальность превращается в тайну, продолжает Ж. Баландь: «Кран, из которого капает вода, это уже не мелкая домашняя неприятность, не повод к раздражению, но предмет научного исследования, проводимого в течение долгих лет и превращающего эту аномалию в своего рода парадигму хаоса». Наличие феномена подобного же рода предполагает и «дым сигареты, спутник праздных блужданий мыслей, который сначала воспаряет вверх, а затем внезапно начинает извиваться, образуя фигуры изменчивых очертаний... Выше, далеко наверху, проплывают причудливые облака, образуя небесные пейзажи, текучие и постоянно видоизменяющиеся, хаос которых близок сновидениям». Однако «новая наука жаждет раскрыть их тайну, найти ответ, который будет способен дать менее ошибочный прогноз за пределами ближайшего будущего»¹, – утверждал Ж. Баландь.

Ученый принадлежит к совершенно другому поколению, чем И. Хассан, трагически провозгласивший наступление века глобального познавательного и ориентационного хаоса. Для Баландь, давно сжившегося с подобного рода умонастроением, куда более существенными представлялись попытки найти закономерности наличествующего состояния современности, о чем он настоятельно заявлял: «Порядок скрывается в беспорядке, постоянно действует принцип проблематичности, и непредвиденное должно быть понято... в настоящее время возникла необходимость дать описание совершенно иного мира, в котором значение движения, его флюктуаций гораздо важнее структур, организаций, постоянных величин. Ключом к нему является динамика иного рода, характеризующаяся нелинейностью, открывающая доступ к логике явлений, обладающих явно меньшей степенью организованности»². Баландь подчеркивал, что хаология как особая наука не является «апологией

¹ Balandier G. Le désordre: Eloge du mouvement. – P., 1988. – P. 9.

² Ibid. – P. 10.

беспорядка, она предлагает другую его репрезентацию и тем ставит его на место». И он добавлял: «Беспорядок не одно и то же, что кавардак». Иными словами, Баландые и многие ученые его поколения постмодернистов прежде всего были озабочены поисками закономерностей наличного хаоса как неизбежного состояния вещей – отсюда и те проблемы, которые он ставил в своей книге в качестве самых для него насущных: «...Как из хаоса может родиться какая-либо организация? Что новое способно возникнуть из порядка и при этом избежать налагаемых им ограничений?»¹. Ученый исходил из постулата, что ни «великие мифы традиционных обществ», ни современная наука не дают удовлетворительного ответа на эти вопросы. Сталкиваясь с «ненадежной», «недостовой и сомнительной реальностью», наука изучает лишь «игру возможностей»; «она уже больше не страдает навязчивой идеей всеобщей гармонии и отводит значительное место энтропии и беспорядку». И хотя аргументация науки обогатилась «новыми понятиями и метафорами», однако все в большей степени обнажаются изъяны ее «ограниченности»².

Относя себя к «аналитикам современности», Баландые вывел два основных, по его мнению, термина, характеризующих *формулу современности* и по-разному проявляющихся в феноменах бытия: это – «движение» и «неуверенность». Первое понятие в постмодернистском словаре определяется как «деконструктивизм» и «симуляция». Ученый констатировал прогрессирующее исчезновение «групповых связей» между индивидуумами, а тех, в свою очередь, – с «пространством культуры и власти». В работах, посвященных актуальным проблемам, стали появляться понятия «эра лжи и оптического обмана», «эра пустоты» и «провала мысли». Постмодернистская теория приходит к выводу, что в условиях тотального господства средств массовой коммуникации («инфосферы») различные иллюзии, видимости и образы («шумы» искаженной информации) постепенно сделались неотъемлемой частью реальности, которая больше «не является единой», но рассматривается и воспринимается «в своих отдельных аспектах»³.

¹ Balandier G. Le désordre: Eloge du mouvement. – P., 1988. – P. 45.

² Ibid. – P. 11.

³ Ibid. – P. 11.

Второй термин *формулы современности* – «неуверенность» – выражает, по мнению Г. Баландые, и вторжение нового под воздействием современности, и риск для человека выбрать в своем собственном обществе позицию изгнанника, постороннего или даже варвара, если непонимание происходящего отторгает его от цивилизации, где он ничего не замечает, кроме хаоса и бессмысленности.

В современном ему обществе Г. Баландые видит три возможных типа реакции на сложившуюся ситуацию: «тотальный свет», ведущий к утверждению тоталитарного порядка; «личностный ответ», устанавливающий «порядок сакральности» в сознании человека (имеются в виду «поиски религиозного характера»); «прагматический ответ», признающий существование особого модуса порядка – «через движение, где постоянная изменчивость условий жизни приводит к осознанию необходимости ее регулярного обновления». Ученый находит в этом проявление «фаустовской идеи» как «силы, постоянно направленной на преодоление препятствий; борьба становится самой сущностью жизни, без которой личное существование оказывается лишенным смысла... фаустовский человек формируется в борении, его стремления не знают пределов, они бесконечны»¹.

По убеждению ученого, отсутствие фактора уверенности приводит к тому, что «ни в каком плане (научном, политическом, этическом, даже религиозном) более не представляется возможным опираться на свидетельства, все стало условным, а ценности относительными»². Более того, «под вопросом оказывается сама проблема истины. В мире изменчивости и кажимости, в будущем, где возможное преобладает над необходимым, ответы исчезают или отличаются невняtnостью. Идея становится тем, что не владеет фактами, а лишь интерпретациями, а сама интерпретация истины – лишь своеобразным актом насилия, своего рода злоупотреблением. Отсюда и возникло предположение согласиться с признанием существования «сокращенной истины» (Джанни Ваттимо).

Как любой предмет современности, истина распалась и утратила свою целостность, она рассеялась, и ее движение, с некоторым

¹ Balandier G. Le désordre: Eloge du mouvement. – P., 1988. – P. 228.

² Ibid. – P. 241.

преувеличением, стали определить как одно «блуждание». Твердый порядок, или постулат, позволил бы понять истину как единую, но постоянные изменения и беспорядок неизбежно делают ее «плюралистичной»¹. Утверждение, что истина непостижима, что возможен лишь переход от одной к другой и что люди не порождают ни истинного, ни ложного, а лишь «существующее» (Поль Вейн), не кажется теперь столь провокационным.

¹ Balandier G. Le désordre: Eloge du mouvement. – P., 1988. – P. 241.